

18+

Наталья Самойленко

"С ума сшедшая"

Наталья Самойленко

«С ума сшедшая»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43201727

ISBN 9785005011077

Аннотация

Женщина – предсказуемое создание. В любви безумствует. Одиночеством сначала наслаждается, потом ищет, кого бы полюбить. Она всегда ждёт встречи и боится её. Обжигаясь, начинает сначала, смело вставая на одни и те же грабли. Постоянно разрывается между «умной» и «красивой». И верит, что счастье это птица, которая обязательно прилетит завтра и выберет именно её...

Содержание

С УМА СШЕДШАЯ	5
Талисман	5
Лейка	14
«С ума сшедшая»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	73

«С ума сшедшая»

Наталья Самойленко

Фотограф Сергей Скворцов

Иллюстратор Ирина Петрова

© Наталья Самойленко, 2020

© Сергей Скворцов, фотографии, 2020

© Ирина Петрова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0050-1107-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С УМА СШЕДШАЯ

Талисман

Автобус номер четыре плавно притормозил у конечной остановки. В салон потянулись люди – ранние пташки рабочего дня. Кто-то сразу сел на сиденье, чтобы окунуться в сон хотя бы на несколько минут. Кто-то хмурился, видимо, не проснулся или не спал вовсе. Натали впорхнула в автобус последней. Сразу заняла место около окна. Поехали. На первой же остановке около «Шоколада» увидела свой «талисман».

«Талисманом» она назвала для себя, надеясь, что никто не разгадает эту тайну, молодого мужчину лет тридцати. Он регулярно, изо дня в день, заходил в автобус в одно и то же время. Она любила разглядывать пассажиров, угадывая их мысли и переживания. У этого на лице была усталость. Мужчина никогда не улыбался, никогда ни на кого не смотрел, стоял, держась за поручень, а потом выходил на улице Мира у Ленинградского магазина. «Если он поедет сегодня, – каждый день загадывала Натали, – то день пройдет замечательно, всё получится». Самое интересное, что с утра в автобусе одни и те же люди, давно пора перезнакомиться, но «талисманом» она выбрала именно его.

Мужчина, как обычно, зашёл на остановке и вдруг, неожиданно для Натали, сел рядом с ней. Как там говорится? В зобу дыхание сперло? Хуже! Она почувствовала, что краснеет, особенно после неловких прикосновений локтем – мужчина копался, доставая деньги. Потом откинулся на сиденье и, Боже милостивый, прижал её руку своей, не сильно, но не вырвешься без соответствующих телодвижений. Натали попыталась освободиться, но поразмыслив, что ей такие прикосновения приятны, замерла. Мужчина поправил сумку, которая лежала у него на коленях, и поставил ногу так, что... «Ой-ой», – пронеслось в голове у Натали.

И она окончательно оцепенела, дабы не оторвать своё колено от его.

Мысли, задевая поручни, носились по салону автобуса:

– И не стыдно тебе, взрослая женщина, рдеешь, как флаг, – укоряла одна.

– Стыдно, но что поделаешь, – виноватилась другая.

– Ой, как ты мне нравишься, ой-ёй-ёй-ёй... – подвывала на знакомый мотив третья.

– Интересно, а какие у него глаза? А голос? – волнуясь от любопытства, вторили две подружки-мыслишки.

Автобус притормозил в центре города у магазина. Мужчина поднялся с места.

– Ммм... – взвыли мысли одновременно.

Натали отвернулась к окну, чтобы не видеть, как выходит её «талисман». Нет, скорее, чтобы не ринуться следом. Эту

мысль двери автобуса жёстко сжали и практически раздавили.

Она улыбнулась.

– Завтра, всё повторится снова... возможно... надеюсь... – прошелестела последняя шальная мысль.

Семь утра. Доброе утро, город. До встречи «талисмааан».

С самого утра дождь. Натали допрыгала по лужам до автобуса. Четвёртый номер – единственный, на котором можно добраться до её работы. Места в первом ряду не было. Странно? Забралась на второй. В этот момент зонт, мокрый и кое-как сложенный, решил самостоятельно открыться. Он выстрелил и чуть не снес голову впереди сидящей дамы, окатив её с ног до головы водой. Натали попыталась извиниться, выронила кошелек с приготовленной мелочью, чертыхнулась. Мысли, до этого мирно спавшие в голове, закопошились. Одна сонно прошелестела: «Что-то утро не задалось? Тебе не кажется?»

«Кажется!» – буркнула Натали и плюхнулась в кресло. Поехали.

На остановке около «Шоколада» топтались люди, кто угодно, но «талисмана», среди них не было.

Мысли в голове наперебой заскрежетали:

– А сколько времени? Может, рано приехали?

– Нет, он опаздывает, проспал, понедельник же.

– А вдруг он работает по сменам? Тогда в эту неделю и не увидимся что ли?

– А, может, раньше уехал?

– Заболел?

– Хорошо погулял в выходные, встать не смог с утра!

Мысли скакали по поручням, наперегонки бегали по лысине седого мужчины, который занял место впереди Натали, путались в волосах молодой девушки с наушниками, которая стояла у самых дверей, подпрыгивали на ступеньках автобуса и мешали сосредоточиться.

Натали шикнула на них, глубоко вздохнула, посмотрела на небо через окно автобуса. Небо серое и давящее пролепетало: «А чего я то?»

– Дурацкий день! Будет, наверно! – констатировала запоздалая мыслишка.

Натали прикрыла глаза. Смотреть на пассажиров и разглядывать их сегодня не хотелось. «Талисмана» среди них все равно не было.

«Сглазила что ли?» – подумала Натали.

Вот так всегда. Но может быть завтра, всё будет иначе?

На улице шумел ветер. Капли дождя жалили стекла автобуса, в котором сегодня ехала на работу грустная Натали.

Натали опаздывала. Каблуки то и дело подворачивались

на выбоинах асфальта. Автобус ждал пассажиров, спешащих из разных серых домишек на единственный живой пяточок спящего города – остановку.

Поехали. Натали села у окна. Она была готова к тому, что «талисман» не придет снова, поэтому не расстроилась, когда не увидела его у «Шоколада». Автобус захлопнул двери и тронулся в путь, но вдруг резко затормозил. Она посмотрела в окно, через дорогу быстрыми шагами спешил к автобусу «талисман».

– Ура! – радостно взвизгнула мысль.

– А, так он вчера просто опоздал, – предположила вторая. – Просто вчерашний водитель всех наизусть не помнит, а этот и увидел, и вспомнил.

– Глупости, – сказала, как отрезала, третья самая строгая мысль. – Он, наверно, помахал рукой, поэтому водитель притормозил. И вообще, ну пришёл и пришёл, ну сел, а дальше что?

«Талисман» действительно сел далеко от Натали. Он вскользь посмотрел на неё, купил билет и углубился в телефон.

– Как далеко он сидит, не смотрит совсем, может, не узнал? – прошелестела одна из мыслей.

Натали была в новом пальто, а не в плаще, и шарф был яркого алого цвета, а не серый, как в предыдущий день.

– Ага, ещё скажи, что он плохо видит, – ругнулась другая мысль. – Женщина, понимаешь ли, грустит, а он и не замеча-

ет. Зонтом что ли выстрелить? А что, неожиданно открылся, зато все обратят внимание?

– Так дождя сегодня нет, – хохотнула ещё одна мысль. – Можно сумку уронить, а ещё лучше всё из сумки. Люди в автобусе делом займутся, а то сидят чуть живые.

– А ты подойди и сядь рядом! – жажнула нескромно самая дерзкая мысль.

Но самая осторожная и хитрая её поправила:

– Нет, ты лучше сделай вид, что идешь покупать билет у водителя. Ну и что, что кондуктор ходит по автобусу? Ты просто не заметила, ты ещё не совсем проснулась. Простительно. Вот подходишь, а водитель тебя посылает, ты грустно идешь от него и невзначай садишься рядом с «талисманом».

– Поздно! – рывкнула дерзкая мысль. – Пока придумывала как, на остановке пристроилась к нему тётка какая-то. Ну, нормально а? Я сто раз шептала тебе, делать надо, потом думать будем, правильная ты моя.

Натали отмахнулась от спорящих между собой мыслей, посмотрела на «талисман» и улыбнулась. Главное, что он едет в одном с ней автобусе. Сейчас он выйдет, а следом за ним шаркающей походкой молодой парень со спортивной сумкой, а потом дородная дама в красном плаще.

А Натали поедет дальше. Вчера подруга ей сказала, что нужно просто сесть рядом с ним и сказать, что он главный герой её рассказа.

Интересно, как он отреагирует?

– Пробовать надо, – хихикнула самая несерьёзная мысль. – А выражение лица у него будет фантастическое.

– Так и сделаю, – тряхнула головой Натали, провожая взглядом «талисман», который спешил на работу. – Так и сделаю. Завтра!

Сказано, но сделать труднее. Следующим утром Натали обдумывала, как преподнести новость о том, что мужчина, который каждое утро ездит с ней в автобусе – «талисман» и герой её опусов, ему самому.

«Талисман» не опоздал и, как прежде, не обращая ни на кого внимания, сел напротив Натали. Всю дорогу мысли Натали суетились, перебивали друг друга и мешали принять решение.

– Послушайте, – перекрикивая остальных, возмущалась самая рьяная мысль. – Нельзя же огорошить человека таким сообщением. Подумаешь, написала рассказик, и что сразу же докладывать об этом всему миру? Ну, выплеснула наболевшее, ну облекла в витиеватость фраз, но пугать этим остальных? Зачем?

– Нет-нет, – нервничала другая мысль. – Как можно молчать? Столько эмоций, огня, интриги. В конце концов, Вселенная не простит тишины в отношениях. А наша бедная Натали? Если она не скажет ему, то так и не узнает, что он о ней думает и думает ли вообще?

– Ерунда, – сказала самая пессимистичная мысль. – Ничего у неё не получится. Как всегда струсит в последний момент. А он? Представляете, как он может отреагировать? Всё и так плохо, а может стать ещё хуже.

Тут мысли стали кричать друг другу о том, что права каждая из них. Автобус тряхнуло, и они покатались по полу, стучаясь о поручни, цепляясь за плащи и ботинки пассажиров. Гвалт стоял необыкновенный. Натали почувствовала, что у нее болит голова.

– Цыц, замолчали все, – резко осадил мысли. – Я тут главная! Вернее у вас главная. В общем, хватит, прошу тишины.

Автобус повернул на улицу Мира.

– Сейчас он выйдет и, пиши пропало, – ехидно пробормотала самая непослушная мысль.

Мужчина встал у дверей, прислонившись к поручням, и был на расстоянии вытянутой руки от Натали. Мысли перебрались на спину к ней и подтолкнули. Натали протянула руку и коснулась рукава куртки «талисмана». Ей показалось, что мужчина обернулся на секунду раньше, чем она ощутила ткань куртки под кончиками пальцев. Он посмотрел на нее удивленно, а она проговорила: «Вы меня не знаете, но я езжу каждый день с вами в автобусе. Я написала рассказ, в котором Вы – главный герой. Посмотрите в контакте, меня зовут», – тут Натали быстро сказала, как ее найти.

Сказать, «мужчина опешил» – всё равно, что промолчать.

Такого выражения лица Натали не видела никогда. Смесь удивления, паники, восхищения и чего-то неуловимого.

Автобус остановился. Мужчина вышел, так и не сказав ни слова, но пока автобус отъезжал, он не отрывал от Натали глаз. Глаза оказались голубыми.

– Ха-ха, – шепнула самая веселая мысль. – Хоть цвет глаз посмотрела.

Сердце Натали готово было выскочить из груди, так сильно зачастило оно где-то под второй пуговицей пальто. Она перевела дыхание.

Завтра увидимся, а может, он прямо сегодня зайдет в социальную сеть и найдет её. Только рассказывать о том, что было дальше, она не будет.

Лейка

– День, другой, третий и всё пройдет! – сказала мама. – Чай и сушки рядом с кроватью, вставай, соня.

Лейка перевернулась на другой бок и подумала: «Переигрывает, ну явно переигрывает».

Мама давно и активно играла предложенную ей роль. Однажды она обнаружила, что беременна Лейкой и приняла очередные новые правила жизни. Научилась готовить борщ, стирать бельё, связала пару пинеток и прошла курсы молодой матери. Лучше всего у неё получалось читать нотации Лейке по любому поводу. Но даже унитаза в ванной комнате, когда в него спускали воду, шумел басом: «Не верю!». Почти по-Станиславскому.

Лейка знала, что люди с самого рождения во что-нибудь играют, начиная с «ладушки-ладушки» у хорошей бабушки и до последней минуты на смертном одре. В детском саду каждому ребёнку навязывают роль.

– Сашенька у нас любит играть в машинки, наверно, будет таксистом, – мирно щебечет воспитательница. – А вот Леночка станет врачом, и у неё все пациенты выздоравливать начнут.

И правда, Леночка становится врачом, а хотела быть балериной и даже неплохо танцевала, но роль выбрана, прихо-

дится играть.

Лейка протянула руку к остывшему чаю на столике у кровати, хрумкнула высохшей от времени сушкой, задумалась.

В дочки-матери неплохо играть. Придумал себе семью, вспомнил, какая она была у родителей, и понеслось. У каждой семьи свои правила, традиции, ритуалы и прочая беллиберда. Принимаешь правила, и тебя уважают, ценят, добрым словом помянут, если что. Хочешь жить по-другому? Вот тут и становишься бессовестной лентяйкой, валявкой, неумёхой, позором семьи. Лейка пыталась вспомнить, когда ей за свои тридцать лет приходилось не играть? Постоянно кем-то прикидывалась. То больной – «ах, милый, у меня так болит голова», то уставшей – «знаешь, я так устала на работе, ничего без меня не могут, давай не сегодня встретимся», то дитём, то дурочкой, особенно перед мужчинами.

Но самый лучший игрок – государство. Так ловко манипулировать людьми, передвигая по «шахматной доске жизни» каждого человека в отдельности и всех вместе в нужном направлении может только оно. Чтобы сложнее было выйти из игры, оно придумало правила в каждом периоде жизни человека, и скачешь по ступенькам, как тот Марио. Правильно подпрыгнул или прогнулся – денежку поймал. Решил сделать не так, как велено по инструкции, и «потерял одну жизньку», начинай сначала. Лейка дважды начинала. Первый раз, когда преподавателю в институте доказала, что он не прав, а второй раз – на работе начальнику. И он её снял с дистан-

ции в борьбе за место его заместителя.

Лейка отхлебнула чай, дрыгнула под одеялом ногой. Кошка Клава, до этого мирно сопевшая в ногах на краешке дивана, чихнула и потянулась.

Сейчас она встряхнётся и начнёт игру «хозяйка, я такая хорошая, дай пожрать». Даже кошки каждая в своей роли.

Есть, правда, у некоторых возможность вводить в игру новые правила, но в этом случае ты играешь в депутата или в президента, или в преступника.

Много думаю, решила Лейка. Пора вставать. Хлопнула входная дверь. Мама, оставив в шкафу вместе с тапочками и халатом роль матери, накинула на плечи официальный пиджак адвоката. И сейчас для неё главная задача обойти те правила, которые понапридумывали остальные, чтобы хоть как-то помочь другому относительно жить по правилам.

Когда муж и жена перестают играть в игру под названием «семья», они примеряют на себя роль «любовников и любовниц», «обиженных супругов», «страдальцев ради детей» и заученно повторяют «я знала, что он такой (такая), но любил (любила)». Играть в семью – это всё равно, что постоянно говорить «кушать подано!», только с разной интонацией. Однажды понимаешь, что тебя не слышат, и всем плевать на твои интонации, и по всем правилам получаешь развод.

Лейка с мужем в развод играла три года. Поделили каждую чашку и кухонную тряпку. Бывший переиграл, и суд ока-

зался на стороне Лейки. Её роль «бедной брошенки» удалась на славу.

За стеной из соседней квартиры послышался речитатив. Соседка Муся играла в поэта. Лейка представила, как та заламывает руки после каждой строчки. Вот сейчас она замедлит темп, слегка повысит, а затем понизит голос и скорбно посмотрит в зеркало, перед которым играла роль.

– Эй, «недопоэт», – постучала Лейка в стену. – Чай приходи пить!

За стеной послышался грохот.

– Эй, ты там жива? На табуретке что ли стих свой декламировала? – язвительно протянула Лейка.

Её любимой ролью была роль «стервы».

За стенкой снова что-то гроыхнуло. Наверно, Муся с расстройства перевернула журнальный столик.

Любимая игра Муси – «рассеянность». Она забывает выключать свет в прихожей. Поставит чайник на плиту и уйдёт в ванну отмывать раковину. На половине творческого пути «по приданию чистоты фаянсовому изделию» вдруг зацепится умом за какую-нибудь строчку нового произведения и на полчаса исчезнет из жизни. Вернуться в наш мир ей часто помогают пожарные, медики, полиция, а один раз даже МЧС.

Муся тогда в состоянии лёгкого поэтического опьянения вышла на балкон за бельём. В эмоциональном порыве на вы-

сокой ноте вдохновения дёрнула простыню и оборвала верёвку. Зачем она полезла на детский стульчик, который ещё со времён её сопливого агуканья стоял на балконе, Муся ответить не смогла ни, примчавшейся после спасения «мчеэсниками», матери, ни самим сотрудникам МЧС, ни Лейке. В общем, Муся забралась на стульчик, потянулась с оборвавшейся верёвкой к торчавшему из стены крюку, покачнулась, а поскольку роста была не малого (Мусю иначе как поэтическим маяком в доме никто не называл), перелетела через перила балкона, зацепившись платьем-парашютом за все возможные неровности на перилах. Картина для жителей дома была та ещё. Муся свисала со второго этажа с задраным до пояса платьем, одной рукой держась за перила другой за верёвку, и то бубнила что-то типа «мамочка, я больше не буду», то повизгивала «спасите кто-нибудь», то с выражением читала Маяковского про «флейту водосточных труб». Муся всегда декламировала Маяковского в трудных жизненных ситуациях. Конечно, её мог снять с балкона любой мужик, проходивший мимо дома, и они пытались помочь бедной дамочке в сиреневых трусиках, но Муся категорически не отпускала перил балкона и веревки. В тот день ей вызвали и МЧС, и медиков. Когда бедную поэтессу сняли с балкона и передали в надёжные руки Лейки, Муся, прижимаясь к её плечу, то плача, то икая, тараторила, что перед «повешением» надела трусики именно этой приятной цветовой гаммы в цвет сирени, что незадолго до происшествия расцвела под

её балконом.

В соседней квартире пару раз звякнули банки, покатился по полу какой-то предмет – это Муся пробиралась к входной двери, чтобы пойти пить чай к Лейке.

Лейка засекала время. Прошлый раз Муся добиралась до своей входной двери минут десять, умудрившись сорвать вешалку со стены. Ей бы нужно было оставить, всё как есть, но Муся взяла молоток и попыталась вешалку приколотить. Руки, не державшие в руках ничего тяжелее шариковой ручки, послушно ударили не по гвоздю, а по пальцам, которые неумело его держали. Муся охнула, затрясла рукой, отступила всего на шаг назад и наступила на хвост любимой собаки Шельмы. Та, недолго думая, вцепилась ей в ногу – не сильно, но неожиданно. Муся дрыгнула ногой в сторону, зацепилась тапкой за длинный подол юбки. Пытаясь освободиться от юбочного плена, начала неловко перебирать ногами и растянулась солдатиком по прихожей от одного угла в другой. Хорошо, шею себе не сломала, но летевшим вместе с ней молотком пробила дверь туалетной комнаты.

За Лейкиной дверью что-то прошелестело. Лейка, натянув халат и тапки, пошла открывать Мусе.

– Не прошло и получаса, – театрально повышая голос, начала выходить из себя Лейка, отпирая замок.

На пороге стояла Верка. Её любимая игра называлась «слушай, Лейка, у тебя нет двадцати рублей». На что Лей-

ка всегда играла роль «палача», лишая Верку вожделенной «поправки с похмелья», предлагая ей несуществующий рас-сол или водички из-под крана. Верка, скорбно вздохнув перегаром, молча удалялась к следующей соседской двери.

Но в этот раз Верка оказалась трезва.

– Чего тебе? – раздражённо выдохнула Лейка.

Вера была странной женщиной. Далеко за пятьдесят, сморщенное одутловатое лицо, всклокоченная седая шевелюра, но при этом ярко-синие глаза с лёгкой сумасшедшинкой и детская «всеподкупающая» наивность.

Верка часто играла в игру, которая называлась «а разве нельзя?»

Она безо всякого смущения могла разговаривать с людьми любого статуса, кошелька, цвета кожи и роста. Будучи маленькой, всего метр пятьдесят в прыжке, обожала баскетболистов и ходила на все мероприятия местной команды «Черепеха». Она безумно любила детей и воспитала с пелёнок половину дома. Но могла прихватить что-нибудь из съестного без разрешения хозяев, наивно полагая, что раз воспитывает их чадо, то имеет право на какой-нибудь продукт с полки холодильника.

Когда-то давно, ещё до появления Лейки на свет, Верка была замужем.

Однажды, устав от пьянства мужа и побоев, решила его наказать. Она купила большую бутылку водки, нажарила картошки со шкварками, да и напоила «любимого». Правда

предварительно сыпанула в водку сонных таблеток.

– А что, нельзя было? – хлопая ресницами и утирая красный нос рукавом, лепетала она в отделении полиции, когда чуть живого мужа нашли на второй день в квартире с дверями нараспашку бдительные соседи.

Верка не просто усыпила благоверного. Она его ещё и сковородкой по лбу звезданула, когда он полусоннопьяный попытался её стукнуть кулаком. В тот момент Верка, видимо, практиковалась в теннисе, а голову мужнину приняла за шарик. Сковородка оказалась чугунной, поэтому вырубилась сознание пьяного «мужеподобья» с одного раза. А сама «воительница» ушла к подруге, да там и «заночевала» дня два.

Верку не посадили, потому как муж оказался на удивление крепок лбом или же просто не имел мозга, поэтому не получил даже сотрясения.

И вот сейчас она топталась у дверей Лейки, пытаясь упрямить её спуститься вниз на первый этаж, потому что к ней пришёл Андрей Васильевич, мужик хороший и правильный, но одинокий и для неё, Лейки, самый подходящий.

Лейка хохотнула, а потом грубо осадилась Верку, послав её туда, где и с фонарём заблудиться можно. «Стерва» всю забавлялась над внутренним ребёнком Верки. Лейка эту свою роль любила, лелеяла и доставала из реквизитного чемоданчика регулярно.

Верка шаркала ногами в сторону лестницы на первый этаж, а из соседней двери с грохотом вывалилась Муся, со-

вершено седая.

Лейка ойкнула и кинулась к Мусе. Она втащила Мусю к себе, включила свет в прихожей, охнула и сползла по стене вниз.

Это нужно было видеть.

Муся, от такой реакции Лейки, затянула рассказ:

– Читаю стихи, слышу зовёшь чай пить. Ну я и пошла, а у меня антресоли в прихожей, а там мука, купила вчера по случаю мешок на пять кило, а под ноги-то не смотрю. А там ботинки на коврике сохнут, я запнулась. Лечу, думаю, разобью сейчас лицо об пол, ну и схватилась за косяк двери кухонной, а он, помнишь, хлипко держался, ты всё говорила, приколоты. Я его с гвоздями и вырвала. Летим вместе. Думаю, ладно не убьюсь, антресоли косяк задержат, я на нем и повисну, а он, зараза, прямо гвоздем да в мешок с мукой. Распорол его, и мука, как первый снег, ровным слоем тело моё, растянувшееся по полу, и усыпало. Ну, я поднялась да в ванну, думаю, умоюсь, не в муке же к тебе идти? Кран, видать, сильно рванула, и фонтан воды на меня. Вот стою пельменя пельменей, думаю, идти к тебе за помощью или опять «мчезников» вызывать?

Лейка от хохота разогнуться не могла, сидела, скорчившись в прихожей, и тихо подвывала, уливаясь слезами, представляя картину полёта Муси с дверным косяком.

Через двадцать минут Муся, намытая и начищенная

в Лейкиной ванной, пила чай с остатками сушек и мурлыкала себе под нос – «перемен, требуют наши сердца...»

Лейка прибирала ошметки теста в прихожей и улыбалась воспоминаниям.

Работала она по-молодости в одной компании. Компания производила косметику, нанимала за честное слово консультантов и пускала их в свободное плавание бизнеса. Лейка тогда играла в «бизнесвумен». Правда, офис они с подругой снимали в старом деревянном доме. Две комнатки, сени, в одной из комнат подполье.

– О, и холодильника не надо, – решила сэкономить спонсор Лейки – Светка.

Спонсор – это громко сказано. Спонсорила Светка не деньгами, а советами, как бизнес вести и не прогореть в первые три дня. А вы что подумали?

В общем, закупились, офис открыли, людей позвали разные вкусности пробовать. Проработали неделю. За это время пару раз с подружкой поругались. Подполье, будь оно не ладно, прикрывалось крышкой, как и положено, но Светка постоянно забывала его закрывать.

Вот и в тот день видимо забыла. Народу набежало за косметикой уйма. Лейка закрутилась так, что себя не помнила. Радовалась прибыли, строила планы, играть в косметолога нравилось. А тут, как назло, на полках закончились кремы, и Лейка побежала к подполью, доставать очередную короб-

ку. В этот момент в офис зашёл интересный мужчина, да ещё и один. Что-то стал спрашивать у Светки. Лейка загляделась.

Голова на мужика повёрнута, ноги автоматически бегут к подполью.

Ииии... ухухухух... ёй-ёй... со всего маху в подполье. В обморок не падайте. Подполье было не глубоким, но одна нога Лейки оказалась на полу над подпольем, а вторая застряла между ступеньками в подполье. Руками зацепилась за края «чёрного квадрата» и повисла. Висела Лейка и орала, сначала от страха «помогите», потом от ужаса «Светка, беги сюда, никого не подпускай».

От ужаса, потому что джинсы, новые синие джинсы, джинсы, так красиво обтягивающие Лейкину задницу, лопнули на самом интересном месте.

А на голове Лейки красовалась белая масса крема. Тюбик, который несла Лейка в подполье, чтобы взять такой же крем и не перепутать, при падении лопнул, разбрызгался и залил не только голову, но и плечи.

Когда Светка прибежала, её чуть инфаркт не схватил, подумала, что у Лейки мозг из головы вытек – не то ещё со страху привидится.

Мужчина тот, интересный, Лейку тоже помогал доставать. На Лейку не запал. Расстроилась. Не удался день.

После того случая Лейка ещё немного поиграла в консультанта и ушла восвояси. Так что обсыпаться мукой? Да ерунда это.

Муся допила чай, довыла Цоя...

– Давай, шлёпай домой, – буркнула Лейка.

– Ты куда? Посиди со мной... – застонала Муся.

Лейка бесцеремонно потянула её за рукав, поцеловала в макушку и выпроводила за дверь. Муся умудрилась по пути к своим дверям удариться об открытый электрический щиток, наступить на хвост соседскому коту и два раза уронить ключ от замка.

Кошка Клава вытащилась из-под дивана и жалобно мяукнула. Лейка хохотнула.

– Что, проголодалась?

Налила ей молока. Кошка Клава всегда пряталась от Муси под диван. Игра в «рассеянную с Бассейной» у Муси получалась лучше всего, и часто, от её неловких движений при передвижении по комнатам в гостях у Лейки, перепадало больше всего именно Клаве.

Слава Богу, все разошлись, подумала Лейка. Пора маскироваться.

Когда через полчаса во двор вышла стройная изящная брюнетка в длинном бирюзовом платье с безупречным макияжем и очаровательной улыбкой, никто не узнал в ней Лейку.

– День, другой, третий и всё пройдет! – говорила утром мама.

Прошло гораздо быстрее.

Лейка вчера развелась с очередным любителем поиграть.

Не о чем рассказывать, всё как у всех. Играют одинаково

все. Ходы известны, как в шахматах известны все партии. Задача игрока догадаться, какую партию играет его партнёр.

Вот и Лейка была готова к игре. Пешки начали движение. От бедра!

«С ума сшедшая»

Она выключала свет, а он снова и снова включал.

– Не надоело, – прошелестела Кира, грузно плюхнувшись на кровать.

Кровать застонала под её весом, взвизгнула ножкой по паркету и, скрипнув, словно ругнувшись, затихла.

– Нет, – щурясь от яркого света, проговорил Женька. – Ты нравишься мне в любом виде, пончик.

От слова «пончик» Кира шумно глотнула и закусила губу. Уже пончик!

Когда-то её стройной фигуре завидовали подружки, а ещё раньше, до того как появились дети, муж шутил, что в интимном общении с ней требуется зелёнка. На Кирина вопрошительный взгляд отвечал с ухмылкой, что так, по крайней мере, будет знать, где искать грудь.

Кира встала с кровати, качнула располневшими бёдрами, пошла одеваться, кляня Женьку за включённый в комнате свет. Женька лёг на живот, сладко потянулся и устался в телефон, читая не принятые за ночь сообщения.

«Ага, держи карман шире, нравлюсь я ему, как же» – с обидой, натягивая колготки, подумала Кира.

Колготки, совершенно не сочувствуя женщине, издали странный звук «тррр» и на Кирином бедре расплзлась стрелка.

– Этого мне не хватало, – прошипела Кира.

А, «да и чёрт с ними», пронеслось в её голове, до работы дойду, а в обед сбегая в магазин за новыми. Платье, которое последовало на Кирино тело за колготками, церемониться не стало. «Хрясь» и где-то между грудью и талией треснуло по швам, хорошо, что почти незаметно.

– Ааа... да пошло всё к лешему, – в сердцах выкрикнула Кира, надевая сапоги и запахивая шубу.

Она так и выскочила на мороз в незастёгнутых сапогах, шубе нараспашку и с сумкой в руках. Сапоги застегнула быстро. Распаренная ласками любовника и злостью, согнулась, даже не запыхавшись. С шубой было сложнее. Кира втянула в себя живот, выдохнула воздух и запихала в петлю пуговицу на груди. С остальными пуговицами справилась и выдохнула.

То ли выдох был слишком сильным, то ли пуговица оказалась слабо пришитой. Точно выпущенная из дробовика, пуговица полетела в большой сугроб у подъезда.

Кира всхлипнула, понимая, что искать эту дуру треклятую ей совершенно некогда, да и в сугроб нырять не хотелось.

– У, ненавижу! – прошипела Кира, воздевая кулаки к небу.

Она не ругала никого кроме себя за то, что располнела за последние десять лет до немислимых размеров. Тряхнув головой, Кира рукой в перчатке прижала к меху освободив-

шуюся петлю на том месте, где была пуговица, и пошагала на каблучищах, разъезжавшихся по льду в разные стороны, на работу. Невольно представила себя со стороны, хихикнула, но потом не сдержалась и заревела.

– Толстуха! Корова! Бегемотиха! – ругала она себя, всхлипывая и перемежая слова нецензурной бранью.

Кира работала начальником отдела кадров в маленьком ООО «Гарсон и К».

Работа не пыльная, начальник невредный, а сотрудники сплошь мужики, которые в Кире души не чаяли, напропалую угощая конфетами, булочками и тортиками. Никто из них на Киру особо глаз не положил, каждый был при своей жене или любовнице, но за должность уважали и сыпали комплиментами. Кира слушала и верила, что и красавица, и всё что надо у неё имеется, и что женщина она видная со всех сторон. Правда, дочь Киры и мать намекали ей на выдающиеся формы, но она их слушала не особо, считая, что кому надо, понравится.

Вот есть у неё Женька. Так себе мужичонка, но в постели хорош, и формами её не брезгует.

Кира долго бы ещё размышляла о себе и прошедшей ночи, но тут зазвонил телефон. Начальник предупредил, что на работу идёт устраиваться новый водитель, велел оформить всё, как полагается.

Кира поднялась в кабинет. Разделась. Вспомнила, что

на бедре стрелка, потянулась за клеем на столе, и в это время дверь скрипнула.

На пороге стоял высокий стройный мужчина лет тридцати пяти в чёрном укороченном драповом пальто, чёрных брюках и почему-то в летних тёмно-бордовых ботинках с чёрной кожаной папкой в руках.

Кира взглянула на него и чуть не задохнулась от жара, который нахлынул, сдавил грудь и заставил вспотеть даже кончики пальцев на ногах. Она что-то промычала в ответ на его просьбу войти, пригласила присесть. Мужчина шагнул в кабинет, застенчиво, но восхитительно, улыбнулся и сел напротив Киры на стул.

Кира на свой стул промахнулась шесть несколько раз, краснея и извиняясь за неожиданные реверансы перед незнакомцем. Наконец, угнездившись, вцепилась в подлокотники и, шумно сглотнув, прошипела:

– Вы новый водитель?

– Да, Кира Сергеевна, – сверкнув янтарными глазами и улыбаясь, мягким баритоном прошелестел мужчина.

Он положил перед ней паспорт и другие документы.

– Роман Ланской, – протянула, словно пропела Кира, пытаясь успокоиться и хоть куда-то деть непослушные трясущиеся руки.

Пока Кира оформляла бумаги, Роман внимательно изучал кабинет, предложенные ему для чтения инструкции и саму Киру.

Она же несколько раз переписывала оформляемые документы, допуская нелепые ошибки от волнения, с которым никак не могла справиться.

Когда все процедуры по приёму на работу были завершены, Кира шумно вздохнула и пробубнила:

– Может, чайку?

В этот вопрос она вложила все свои желания и мечтания, но прозвучал он немного глупо.

Роман посмотрел на неё, слегка прищурился, и ответил:

– В следующий раз, обязательно. До свидания!

Кира растерянно улыбнулась в ответ и начала лихорадочно придумывать причину, чтобы пригласить Романа в отдел кадров.

К вечеру Кира выяснила о Романи много интересного. В соцсетях его не было, но существовала некая группа, из которой она узнала, что Роман практически герой, посмеявшийся выступить против несправедливости на предыдущей работе. Она мысленно поставила ему ещё один плюсики, но, как настоящий кадровик, позвонила начальнику и убедилась, что тот в курсе событий. После этого, с чувством выполненного долга, позвонила подруге и намекнула на появление в её жизни «объекта долгих ожиданий».

Подруга, внимательно выслушала, хмыкнула и отбрила Киру всего одной фразой: «А может, он и не герой вовсе, а дурак?»

«Сама такая», – подумала, но не произнесла Кира.

К вечеру у неё созрел план, как пригласить в отдел кадров Романа, не вызвав у него подозрения. Дело в том, что в штатном расписании должность водителя появилась недавно, буквально за неделю до описываемых событий. Прошерстив имеющиеся на полках должностные инструкции, Кира не нашла той самой – водительской. Оставалось её написать и позвонить по телефону Ланскому, дабы тот явился с ней ознакомиться, а ещё расписаться в журнале по охране труда, забрать второй экземпляр трудового договора, донести справочки там всякие с предыдущей работы.

«У, сколько поводов!» – с радостным предчувствием встреч подумала Кира, поперхнулась слюной и закашлялась.

«Ох, не перегнуть бы палку, не спугнуть...»,

«Да куда там, брать быка за рога и... хватит уже одной куковать...»,

«Эк тебя распёрло да шарахнуло... молодой ведь... а тебе-то сколько?»,

«Подумаешь молодой, кто сказал, что на тебе написано, что тебе под пять десятков? Вот только похудеть нужно...» – мысли роем носились в голове, но последняя жалила больше всего.

Чтобы отогнать «приставучих», она набрала номер телефона Романа и пропела бархатным голосом в ответ на его: «Алё, да...»

– Роман, это Кира Сергеевна, отдел кадров. Вам нужно

ознакомиться с инструкцией водителя и расписаться в ней. Когда Вы сможете подойти?

Голос Киры был вкрадчивым и нежным. Она вложила туда всю женскую энергию, которая перетекала через край её жаром пышущего тела. Сердце то билось в два раза чаще, чем необходимо по всем инструкциям в отношении персонала, то останавливалось и прерывало и без того неровное дыхание.

Роман выслушал её щебетание, уточнил, может ли он прийти завтра и повесил трубку.

Кира с телефоном обнималась ещё полчаса. Потом быстро сварганила инструкцию водителя, подписала у начальника и с твёрдой уверенностью, что завтра начнётся новая жизнь, ушла домой, забыв о стрелке на колготках, порванном платье и отстреленной пуговице шубы.

Она не помнила, как допёрхнула до дома, замёрзла или нет, не слышала вопросов дочери и ворчания матери. Она купалась в новых ощущениях от появившихся, казалось забытых, чувств. От предложенного ужина Кира отказалась. Выпила на ночь кефир и пару таблеток успокоительного, чем вызвала нешуточный испуг у близких. Уснула быстро, а утром встала на весы и ахнула.

Весы, надо сказать, наипротивнейшая штука для женщины. Они делают её ненормальной. Женщину пугают не столько формы, отражающиеся в зеркале, сколько цифры на этих электронных паразитах.

Цифры на весах лет пять показывали 84 кг. Этим утром Кира увидела 82. Поначалу, она решила, что они сломались, или обман зрения, но весы упорно орали «верь нам», и она верила.

Окрылённая будущей встречей, Кира забыла позавтракать, надела одно из своих любимых платьев, заметив про себя, что тело практически впорхнуло в него, тогда как раньше пролезало точно в тесное душло.

Пуговица на шубе была заботливо пришита мамой. Правда, это последняя – запасная. Поэтому мама долго охала и просила Киру, за пуговицей, если что, в сугробы нырять, из под колёс машин её спасать и вообще беречь, как зеницу ока.

До работы Кира «долетела». Какая там «корова на льду»? Она – ласточка.

Конечно, «ласточка» боялась дышать и периодически проверяла наличие пуговицы на шубе, но за новыми переживаниями, хлынувшими неудержимым потоком в её жизнь, Кира эти неудобства не замечала.

Она поднималась по лестнице, когда почувствовала знакомый запах его парфюма. Роман ждал около кабинета, поздоровался, улыбнулся. Она же пару раз уронила ключ из трясущихся от волнения рук, а потом забыла в какую сторону нужно его крутить. Лоб покрылся испариной, руки стали неприлично влажными, а за спиной стоял «Он» и улыбал-

ся.

– Вам помочь, – услышала она его голос, что было силы, дёрнула ключ на себя и уронила его в очередной раз.

– Да, пожалуйста, Роман, – пролепетала Кира, с восторгом глядя, как мужчина её мечты наклонился к её ногам, поднял ключ и снова улыбнулся.

– Разрешите...

Роман открыл дверь и пропустил Киру в кабинет.

Кира неровной походкой дошла до вешалки, разделась, два раза уронив сначала вешалку потом шубу, дошагала до кресла и, только уместившись в нём, немного успокоилась.

– Мне бы инструкцию почитать, – с улыбкой произнёс Роман, пока Кира, не отрываясь, смотрела на него, совершенно забыв, зачем вызвала к себе Ланского.

– Ах, да. Вот. Читайте внимательно, не торопитесь, если будут вопросы, спрашивайте, – непривычно тоненьким, срывающимся голосом проговорила Кира.

И вдруг ни с того, ни с сего, совершенно неуместно бухнула:

– Может, чайку?

Краска стыда мгновенно залила лицо Киры. Уши вспыхнули, словно их поджарили на раскалённой сковороде. Сердце бухнуло в живот, отпрыгнуло в плечо и, если бы рот был открыт, то, скорее всего, плюхнулось бы на стол.

«Ой, идиотка! – пронеслось в голове. – Всё испортила!»

– Да, пожалуй... – неожиданно услышала она.

«Да, да, да!» – завопила мысленно Кира, и других слов в голове не было.

Кира, начальник и его заместители чай пили в отдельном уютном кабинете с креслами и журнальным столиком. Обычные сотрудники туда попадали только по приглашению и то не часто. Но Кира, совершенно забыв про осторожность, про то, что начальник может прийти в любую минуту и удивиться, повела Романа именно туда.

Когда, дважды расплескав воду вокруг чашки, Кира наконец-то налила чай Роману и себе, она устроилась в кресле, максимально втянув выползший от неудобного положения живот, и замерла.

Роман, улыбаясь, пил чай, с любопытством смотрел на Киру и молчал.

Она несколько раз кашлянула, пытаясь подобрать слова для начала разговора, потом кокетливо посмотрела на мужчину и проговорила:

– А Вы интересный человек, Роман.

– Чем же это? – очаровательно улыбаясь, чуть приподняв правую бровь, спросил Роман.

– Ну как же, борец за справедливость. Не испугались начальника. Только как теперь? Я прочитала в группе, ну которая в Вашу поддержку, что у Вас суды. Неужели ничего нельзя сделать? Неужели Вас могут посадить?

Кира тараторила без остановки почти на одном дыхании,

словно боялась, что её сейчас перебьют, и она не успеет сказать самого важного.

– Почему Вы переживаете обо мне? – вопрос от Романа прозвучал неожиданно.

Кира растерялась, качнулась к столу и пролила чай на подол платья.

– Ой, я не знаю, – неуверенно соврала она. – Просто мне нравятся вот такие люди...

– Какие? – улыбаясь, уточнил Роман.

Кира замешкалась. Что ответить? Голова начала кружиться, перед глазами от страха, что её план сейчас раскусят, залетали мошки, в кишечнике неистово забурлило.

– Храбрые, справедливые, как Вы, – прошептала она и покраснела.

Роман усмехнулся, поблагодарил за чай и откланялся.

Уже в дверях Кира выстрелила контрольным:

– В понедельник зайдите, если не сложно, заберите трудовой договор. Начальник подпишет уже.

– Обязательно, – ответил Роман и закрыл за собой дверь.

Кира ругала себя, на чём свет стоит, до самого вечера.

Потом зашла в группу Романа и увидела, что завтра у него суд.

Вспышка в голове чуть не лишила её чувств, но она взяла себя в руки или точнее под руки. Сейчас она точно знала, что сделает утром.

Эх, поскорее бы утро!

После работы Кира зашла в магазин и снова купила себе кефир. Забежала в аптеку за пустырником и к подружке маникюрше. Ей вдруг приспичило нарастить ногти. Да, такого от себя даже она не ожидала.

Ночь пролетела в туманном забытии. Ей снился улыбающийся Роман, который вдруг поцеловал её прямо в губы. Только почему-то его губы были мокрыми, и изо рта пахло рыбой. От этого она проснулась и перед собой увидела два светящихся глаза кошки Муси.

– Такой сон испортила, – пробубнила Кира, переворачиваясь на бок и снова засыпая.

Пробудилась рано, встала на весы и ахнула. Цифры показывали 80 кг. Дочь, заметив, что мать второй день скачет по весам, хихикнула:

– Влюбилась что ли?

– Влюбилась, – передразнила её Кира и выскочила за дверь.

Нет, она торопилась не на работу. Нужно было успеть послать смс Роману, а лишние глаза и уши были совсем ни к чему.

Прямо в коридоре подъезда трясущимися руками набрала сообщение: «Роман, держу за Вас кулачки. Всё будет хорошо. Кира».

Сообщение улетело к Роману, а Кира перевела дыхание и не спеша двинулась к остановке автобуса. Оставалось

ждать, что будет дальше.

Гадать, придёт ответ или нет, Кира не хотела. Села в автобус и мечтательно уставилась в окно.

Она проехала остановки три и услышала, как пикнул телефон.

Киру бросило в жар. Это смс.

Сумочка женщины бездонна. Даже если там ничего нет кроме ключей, телефона, кошелька, косметички, флакончика духов, конфетки и документов, найти в ней что-то с первого раза не представляется возможным. Кира рылась минуты три, потом высыпала содержимое сумки на колени и в ворохе фантиков от конфет, билетиков на автобус и прочего ненужного и нужного хлама нашла наконец-то телефон.

Смс пришла от Романа.

Кира открыла её и долго не могла сосредоточиться, чтобы разглядеть буквы. Потом выдохнула и прочла: «Огромное спасибо, Кирочка!»

За окном, не смотря на февраль, вспыхнула радуга. Или это солнце, отражаясь от витрины магазина мимо которого ехал автобус, подарило Кире её? Из-под сердца выпорхнул мотылёк, ударился о низ живота, с размаху чуть голову не свернул. Киру подкинуло на сиденье. Она покраснела, огляделась по сторонам. Старушка напротив о чём-то говорила по телефону с какой-то Леночкой, парень рядом с Кирой увлечённо расстреливал чудовищ в телефонной игре. Никого не интересовало, что чувствует женщина, которой

только что пришла смс с такой приятностью.

«Кирочка!», как божественно звучит имя, которое произнёс мужчина. Кире захотелось на весь автобус, да что там, на весь мир вопить от счастья: «Люди, называйте друг друга по имени! Не мышка, рыбка, пусик, котик, а Кирочка, Светуля, Серёженька, Женечка...»

Ух ты, Женечка? Она совсем забыла про Женьку. Мотылёк внизу живота загрузил. Кира и Женя давно были любовниками. Он холостой, за пятьдесят, ярый «феминист». Или это только женщин так называют? Кира вздохнула. В общем, женщин он не любил, он ими пользовался. Киру такое положение вещей до сих пор устраивало. Не стирать, не готовить, не ждать. Встретились, удовольствие получили, разбежались. Женька мог сделать так, что любая рядом с ним почувствует себя королевой. Врал безбожно, самого выворачивало, но Кира привыкла, а тут такое – Роман. До работы ехала в раздумьях. Мотылёк в животе пару раз просыпался, пытался усиками шевелить, но Кира цыкала на него: «Угомонись, не до тебя совсем. Что с Женькой-то делать?»

Работа промелькнула мгновенно. То, что договора пришлось переделывать раз пять из-за глупых ошибок, что про чай начальнику забыла, что не дописала отчёт, Кира не думала. Не видела она и удивленных глаз руководителя, который пару раз не получил ответ на громко заданный вопрос. А ко-

гда Кира умолотила его булочку с маком и сосиску в тесте, со смехом поинтересовался, не хочет ли она ещё и творожку со сметаной. Кира посмотрела на него размытым взглядом и сказала, что волнуется, поэтому кушать совсем не хочет, чем ввела начальника в ступор.

Ближе к вечеру позвонила подруга, та что «дураком» Романа обозвала.

– Кира, ты мне должна была утром... – защебетала она.

– Ой, Алиса, как хорошо, что позвонила, – взвизгнула Кира. – Что делать ума не приложу?

Кира в подробностях описала ситуацию от первой встречи с Романом до его утренней ответной смс.

– Влюбилась я, первый раз за последние десять лет под старую... – Кира перевела дыхание, не упоминая то самое важное место, на которое обычно все приключения сваливаются. – Надо бы что-то написать, а у меня ни одной мысли, ни полслова... Что с Женькой делать, тоже не знаю? Получается, что мне ему скоро рога тряпочкой протирать? Не хорошо это...

Подруга выслушала бессвязный лепет Киры, помолчала немного и проговорила с усмешкой в голосе:

– Да, мать, нечего сказать. Женьку гони, не твой это экземпляр, всё, что могла, ты от него получила. А Роману... Спроси у него, как суд прошёл, всё ли хорошо. Он ответит, а ты слово за слово, может, и договоришься с ним о встрече. Не тушуйся только, не маленькая. Хочешь – делай!

Кира положила трубку, собралась с мыслями и написала смс Роману:

«Добрый вечер, Роман. Суд прошёл благополучно? Всё хорошо?»

Она нажала на «отправить» и ойкнула. Мотылёк внизу живота расправил крылья и начал без разрешения порхать, вызывая неистовую дрожь и томление в теле. В тот же миг ещё парочка выпорхнули откуда-то из-за солнечного сплетения и радостно кинулись навстречу первому. Киру бросало то в жар, то в холод, с головы до ног обдавая брызгами накачивающихся волн тревожного ожидания. Ответит или нет? Вот в чём вопрос! Куда там Гамлету до Кириных переживаний.

Телефон издал звук похожий на жужжание шмеля. Пришла смс. Кира трясущимися руками схватила телефон и прочла: «Всё хорошо! Спасибо».

Она не успела дочитать последнее слово, как телефон зашумел, выплёвывая на экран имя звонившего. Это был Роман.

– Здравствуйте, Кира, – прошелестел Роман, когда Кира, наконец, сообразила, что нужно нажать именно на зелёную трубочку на телефоне. – Переживаете за меня?

– Да, – промямлила Кира, собираясь с мыслями.

– Вы замужем? – неожиданно спросил Роман.

– Нет, – с ноткой удивления в голосе, ответила Кира.

– Это хорошо, – ответ Романа прозвучал раньше, чем Ки-

ра опомнилась спросить, для чего Роман этим интересуется. – Может, пора поговорить?

– Да, – пролепетала Кира, чувствуя, как мотыльки рвут на части лёгкие и практически вылезают из горла. Она поперхнулась, закашлялась и повторила. – Да, давайте. Где?

Роман пригласил её в кафе в центре города в шесть вечера и повесил трубку.

Кира глянула на часы на стене, накинула шубу и прямо в туфлях ринулась вниз по лестнице. Хорошо, что вахтёр тётя Катя бдит за своими арендаторами. Киру остановили, вернули в кабинет, натянули сапоги, застегнули шубу, а она, размазывая слёзы счастья по лицу шептала: « Ой, не успею, такси вызвать надо! Ой, батюшки, лишь бы дождался! »

Киру проводили до такси. Вахтёрша строго приказала водителю довезти женщину до кафе, назвала адрес.

– Ты не смотри, милый, что она немного не в себе. По дороге отойдёт. Не растрясси и двери бы заблокировал, – проявила недюжую осведомлённость тётя Катя.

Водитель посмотрел на бледную Киру, взял деньги вперёд, нажал кнопку блокировки дверей и помолился о зелёном светофоре.

У кафе Кира чуть не выскочила из машины раньше, чем водитель окончательно затормозил. Когда дверь, наконец, открылась, Кира, путаясь в подоле шубы, скорее от волнения, чем от её длины, понеслась навстречу судьбе.

Роман ждал, помог Кире снять шубу, усадил за стол.

Она выдохнула и уставилась на Романа, не зная, что сказать.

Роман осторожно взял Кирину руку в свои, погладил кончики её пальцев, улыбнулся и брякнул:

– Влюбилась?

Столики кафе, немногочисленные посетители, официанты, чашки и даже дверь туалета закружились перед Кирой в жутком дергающемся танце. Зеркало напротив отразило перекошенное от удивления, ужаса и паники Кирино лицо. Оно хватало ртом воздух, надувало щёки и моталось из стороны в сторону, расплываясь в контурах от того, что на глазах Киры появились слёзы. Роман погладил пальцы Киры ещё раз и произнёс:

– Давно?

– Да, – простонала Кира и, поперхнувшись воздухом, закашлялась.

Роман подождал, пока Кира успокоится и продолжил:

– Что будем делать с этим?

– Не знаю, – промямлила Кира.

Она никак не могла взять себя в руки и вспомнить, что ей не 20 лет, что она взрослая женщина, у которой всё было и терять-то нечего. Но влюблённые мотыльки вырывались из тела наружу, кусая кожу изнутри. Это было страшно представить, не то, что чувствовать. Кира убрала пальцы из рук Романа, провела ими, дрожащими, по зудящей от боли коже лица и шеи и прошептала:

– Не знаю, но может быть и не нужно знать? Давайте начнём общаться, а там будь, что будет.

– Согласен, – мотнул головой Роман и улыбнулся.

Потом он долго расспрашивал Киру о ней, о её жизни, семье, работе. Шутил. На Кирины вопросы отвечал охотно, о себе говорил много, и вечер пролетел незаметно.

– Увидимся на работе, но ничего обещать не могу – сказал он Кире на прощание около её дома и уехал.

Кира в этот вечер не могла ни о чём думать, кроме прошедшей встречи. Она снова и снова перебирала в голове разговор с Романом, ругала себя за несдержанность. Терпения Кире действительно не хватало. «Сию минуту вынь да положь», – часто повторяла бабушкину поговорку мама Киры. И в этой фразе весь Кирин характер. Всё или ничего! Кира понимала, что простыми эти отношения не будут. Роман был необычным, загадочным. Киру магически тянуло к нему.

«Главное, чтобы крыша осталась на месте», – пошутила дочь, когда увидела Киру измеряющей себя в килограммах теперь не только утром, но и в ночь. Кира отмахнулась, выпила кефир, похвалила себя за цифру 79 и растворилась в сне.

А рядом с ней беззвучно разрывался телефон, на экране которого всплывало почти забытое имя «Женька».

Утром Кира увидела, что пропустила от Женьки четыре звонка.

Она совсем забыла про него. С Женькой Кира встреча-

лась раз в неделю, иногда реже. А правда, болтают, что мужики чувствуют, что им скоро «от ворот поворот» будет? Кира ещё вчера поняла, что нужно с ним серьёзно поговорить, и вот, сам на разговор нарывается.

Она решила, что обязательно подумает об этом потом. Не завтра, как Скарлетт Охара, но подумает обязательно. Она потянулась в кровати, кончиками пальцев провела по лицу. Ей показалось, или её руки до сих пор хранят запах рук Романа? «Господи, с ума что ли схожу?» – подумала Кира.

Она быстро вскочила, запрыгнула на весы. Весы улыбнулись цифрой 78.

«Ого, можно съесть целых два бутерброда!» – промелькнула шальная мысль.

«Даже с сыром или с колбасой», – добавил желудок.

– А вот фиг вам, – рыкнула Кира.

Она выпила чашку кофе, закинула в рот сушку с маком и, быстро собравшись, выскользнула за дверь, пока её не перехватила мама и не запихала в неё пару пирожков, которые выпрыгивали из духовки.

Только вышла на улицу, позвонила Алиса.

– Чем занимаешься в субботу? – спросила она.

– Пока не знаю, – протянула Кира. – Дожить надо.

– В смысле, дожить, – с ноткой удивления пропела Алиса. – Суббота сегодня, Кира. А ты чего так дышишь? Не до-

ма что ли?

Кира остановилась, точно ей доской по спине огрели со всего маху.

Припёрлась бы идиотка на работу в субботу.

– Алиска, – запричитала Кира. – Я сошла с ума. Я на работу иду дура душой.

Без всякого перехода Кира вывалила на Алису последние новости личной жизни. К окончанию монолога тушь была размазана по Кириному лицу от уха до уха. Помада перекочевала на перчатки, а шапка съехала на правое ухо. Кира, то ревела, то хохотала, рассказывая о вчерашней встрече.

– Алиса, это значит, мы не увидимся с ним до понедельника? – на финальной ноте всхлипнула Кира и замычала в трубку.

– Не реви, – сказала, как отрезала Алиса. – Ко мне иди, чайник ставлю, жду.

Только сейчас Кира почувствовала, как замёрзли щёки, по которым она размазывала своё горе. Кира быстро достала из сумки зеркальце и носовой платок, но когда увидела отражение, поправила шапку, вытащила шарф, стараясь прикрыть чёрные разводы на лице, и почти побежала к подруге. Хорошо, та жила в соседнем доме.

– Ого, – только и смогла выдать из себя Алиса, когда увидела на пороге Киру.

– Ничего не говори, – рявкнула Кира, быстро разделась

и шмыгнула в ванную.

– И не говорю, – прошипела, сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, Алиса.

Кира помыла руки, привела в порядок опухшее от мороза и слёз лицо.

Алиса усадила её на кухне, налила большую кружку чая и спросила:

– Что ты хочешь, Кира? Я про отношения с Романом спрашиваю, – уточнила она, в ответ на вопросительный взгляд Киры. – Из твоего лепета по телефону поняла, что он моложе, не женат и немного странный. Меня интересует насколько немного? Если как ты, то это нормально, а если больше, то...

Алиса закатила глаза и подняла руки к потолку, показывая, что это для Киры перебор.

– Два дурака в доме – дурдом! – шарахнула она и замолчала, ожидая Кириных измышлений.

Кира, не задумываясь, ответила:

– Влюбилась я, Алиса. Волной меня окатило. Чувствую, тону. И как же я его до понедельника не увижу?

– Не ной, позови на встречу, – брякнула Алиса и хохотнула. – А что, не молоденькая, конфетно-букетный побочку. Давай, жги.

Кира испуганно уставилась на Алису и пробормотала:

– Не получится у меня. Как позвать-то? Позвонить что ли? Неет... Смс? А писать что? Да и не умею я, не при-

дёт он, ещё посмеётся.

– Вот ещё, – фыркнула Алиса. – Давай сюда телефон. Я сама напишу, пусть только попробует не ответить.

Алиса взяла Кирина телефон и написала смс Роману: «Роман, доброе утро. Погода сегодня замечательная. Хотела прогуляться по парку, но одной скучно. Может быть вместе? Кира».

Телефон пикнул, отправляя послание. Кира хлебнула от страха чая больше, чем вмещал рот и закашлялась. Обе уставились на телефон, ожидая ответ.

«Хорошо. Куда и восколько подъехать?» – прожужжал тот.

Кира взвизгнула и зажала рот рукой, словно кто-то кроме Алисы услышал бы её вопль.

– Вот это да, Алиска, ты – волшебница, – кинулась обнимать подругу Кира.

– Да ладно, мне ещё никто не отказывал, – хохотнула Алиса. – Пиши ему время и место встречи, и собирайся.

Кира отстучала вторую смс Роману и понеслась домой, на ходу застёгивая сапоги и шубу.

Роман приехал около часу дня, опоздав минут на двадцать. Кира к его приезду была на таком взводе, что домашние разбежались по комнатам, а кошка, чтобы не попадаться хозяйке под ноги, сиганула в шкаф и затаилась меж платьев и кофточек, с вдохновением насасывая хвост.

По дороге к парку Кира и Роман договорились, что зайдут пообедать в кафе «Дети мельпомены». Оно рядом с парком, народу там немного и цены не кусаются.

По парку гуляли минут пятнадцать, а потом пошли греться. В зале оказались одни. Тихая музыка, приглушённый свет, интерьер в красных тонах располагал к душевному разговору. Говорил в основном Роман. Рассказал историю, которая привела его на скамью подсудимых, описывая в красках и с юмором совершенно некомичную ситуацию. Кира внимала, улыбалась, или охала, переживала.

Когда официантка принесла счёт, Роман наклонился к Кире и вкрадчиво шёпотом, абсолютно серьёзно произнёс:

– Кира, у меня нет денег, заплатить за обед. Сейчас Вы встанете, возьмёте одежду и пойдёте к выходу, а я за Вами. Как выйдем за дверь, бегите к машине...

Кира выпучила глаза, не веря тому, что слышала. Она ловила ртом воздух, мотая головой из стороны в сторону, точно лошадь, отгоняющая мух, и кряхтела: «Нет, Роман, что Вы? Я сама заплачу! Роман, куда Вы?»

Кира увидела, что Роман пошёл к вешалке. Из глаз брызнули слёзы величайшего разочарования. Кира была готова провалиться сквозь землю, хотя собственно уже была там, так как кафе находилось в подвальном помещении. Перед глазами залетали мошки, а сердце оборвалось и шарахнуло вниз живота, надавив на кишечник, который мгновенно светло. Кира побледнела и потянулась к сумке за кошельком.

– Ты поверила, что я могу не заплатить? – прошелестел над ухом голос Романа.

Кира в шоке от случившегося не заметила, как он вернулся к столику.

– Я перешёл на «Вы», хотя мы со вчерашнего дня на «ты», – хохотнул Роман. – Ты даже не заметила? Как порция адреналина?

Но, увидев бледное лицо Киры и глаза, переполненные слезами, Роман осёкся и прошептал:

– Прости, пожалуйста, я не хотел. Я не думал, что ты при-
мешь всерьёз шутку, – он вертел в руках кредитную карточ-
ку и улыбался. – Я просто оставил её в кармане. Прости.

Кира сжала кулачки, чтобы не завизжать и не треснуть Ро-
мана по уху. Еле сдержалась. В голове была невероятная пу-
стота, словно мозг корова языком слизала.

– Идиот, – выдохнула Кира. – И я тоже хороша, шуток
совсем не понимаю, думаю плохо, не разобравшись, и так
всегда.

Думать «плохо» о любой ситуации Кира привыкла с юно-
сти. Не отвечают на телефон, значит, не хотят говорить.
Опаздывают – не хотят видеть, не приедут. Сухо ответил
мужчина по смс – разлюбил. Не берёт трубку мама – давле-
ние, insult, инфаркт, упала, звонить в больницу. Не берёт
трубку дочь – попала под машину, убили, изнасиловали, зво-
нить в милицию. Дочь однажды пошутила и послала Кире

в соцсетях пост: «Что думают родители, если ребёнок не выходит на связь? 49% – он умирает, 49% – он уже умер, 2% – сел телефон». «Мама, – воспитывала её дочь. – А ещё дети спят, забыли включить звук, заняты. Ну, хотя бы это предположи!»»

Кире увещевания не помогали, она мчалась на поиски, на выручку, кричала и плакала, чем до полного исступления доводила родных и любимых.

Мужчинам эмоций доставалось не меньше. Кира при этом повторяла, что беспокоится, пока любит. «Перестану беспокоиться, звонить, писать смс и ждать, значит, разлюбила», – говорила она тем, кто пытался снять с себя Кирина контроль. То, что эти переживания ничего общего с любовью не имеют, не думала. С возрастом старалась сдерживаться, но в итоге натянутая пружина всегда лопалась, и скандал приводил к разрыву. Кто терпеть будет?

Алиска однажды пульнула ей в голову: «Или принимаешь людей, какие есть или не заводи отношений!» Кира с той поры и не заводила, Женька не в счёт. И вот, поди ж ты! Роман с Романом – анекдот! И всё по новой, как будто и не было ничего в прошлом, и эмоции зашкаливают.

Кира тряхнула головой, посмотрела на притихшего, сидящего напротив Романа и протянула, выдавливая каждое слово:

– Не делай так больше, ладно.

– Не могу ничего обещать, – прошептал Роман и улыбнулся. – Пойдём?

Кира встала из-за стола, Роман ей навстречу. Его рука осторожно легла на её талию, он притянул Киру к себе и, задев губами, точно крыльями мотылька, щёку, проговорил: «Ты чудо, Кира...»

Кира чуть не упала в обморок. Мотылёк со щеки щекотнул крыльями шею, скользнул между лопаток, лапками дотронулся до бедра и уместился внизу живота вместе с другими проснувшимися мотыльками. Она закрыла глаза, а когда открыла, поймала на себе лукавый изучающий взгляд Романа и покраснела.

– Пойдём, – прошипела она пересохшим горлом.

Приключений на сегодня Кире было достаточно. Они, конечно, хохотали потом, вспоминая эту ситуацию в кафе, но Кира снова и снова просила больше так не делать. Около дома в машине сидели долго, разговаривали ни о чём и обо всём. Иногда Роман замолкал, наклонялся к Кире и целовал то в щёку, то в губы. Киру так смешно не целовал никто. Прикосновения Романа были похожи на прикосновение новорождённого глупого телёнка к мамкиной титьке. Вроде бы и напился молока, но не знает как. Кира удивлялась, но принимала игру.

«Не спеши!», вспоминала она фразу из одного известного фильма, даже интонацию помнила. Одно не давало покоя

и раздражало – в сумочке жужжал надоедливой мухой телефон. Звонил Женька.

С Романом попрощались около десяти вечера, он торопился по каким-то неотложным делам. Кира вошла в подъезд и набрала Женьку.

– Привет сладкая, – пробасил Женька. – Куда пропала, который день звоню? Мне нужно волноваться?

– Ага, начинай прямо сейчас и до утра, – съязвила Кира. Ей не хотелось объяснять, оправдываться, вообще говорить не хотелось.

– Мы договорились, что встретимся на неделе, – промурчал Женька.

Кира не помнила, когда именно договаривалась с ним, но спорить не стала.

– Я устала сегодня, давай перезвоню завтра, – протянула она, надеясь, что Женька проглотит и это.

– Странно, – буркнул Женька, и трубка застонала гудками.

Кира медленно пошла домой, считая, для того чтобы успокоиться, ступеньки пролётов лестницы. Сбилась после десятой ступеньки. Мысли уносили к машине, в которой они только что целовались с Романом.

Дверь в квартиру открыла дочь. Скептически посмотрела на Киру, растворившуюся в собственных ощущениях после свидания, и спросила:

– Это откуда к нам такую тётеньку привалило? Шуба болтается, ноги в сапогах, что карандаши в стакане, а лицо, как морда у обожравшейся валерьянкой, кошки.

Кира мяукнула:

– Привет!

Она сбросила шубу, вышла из сапог и присела на диван.

– Опаньки, – с восторгом констатировала доча. – Килограмм семь-десять минус.

– Да ладно тебе, – отмахнулась Кира, но поспешила вскочить на весы.

Весы аплодировали 77-ю килограммами. Действительно от 84-х минус семь.

Кира шагнула в кухню и застонала.

Пирожки в тарелке на столе, заботливо прикрытые мамой полотенцем, орали:

– Съешь нас!

Холодильник беззлобно скалился дверкой от морозилки:

– А там внутри твои любимые пельмени, а ещё жареная картошечка, курочка. Ты должна непременно попробовать!

– Нет, – заскрежетала Кира, давась слюной. – Я только кефирчик возьму...

Желудок на «кефирчик» среагировал ударом под дых. В теле заломило, заурчало и зачавкало. Организм готов был съесть самого себя.

Кира порылась в холодильнике, нашла салат и гречневую кашу, следом достала кефир и уселась за стол.

– Доча, так же нельзя, – это к общему хору желающих накормить добавилась мамуля.

– Мам, – протянула Кира и запихала в рот ложку с кашей. Мама всплеснула руками и ушла в комнату. Смотреть на Кирино издевательство над собой она не могла.

Когда с ужином было покончено, и Кира, наконец-то, добралась до кровати, ей в голову пришла мысль отправить Роману и Женьке смски.

«Вот кто ответит, того и на ужин позову», – решила Кира в тайне надеясь, что ответит Роман.

Две ночные птицы-сообщения несли в клювиках одинаковые слова: «Спокойной ночи, целую».

Через минуту телефон пропиликал ответной смс.

«Роман или Женька? Хоть бы Роман, Женька тоже не плохо, значит, не сердится... но лучше Роман», – сама с собой перешёптывалась Кира, открывая послание.

Экран выдавил: «Сладких снов». Это был Роман. В конце сообщения светился зелёный смайлик в виде головы жабы или смешного инопланетянина. Кира хихикнула и счастливая закрыла глаза.

От Женьки так ничего и не пришло в ответ, но Кира узнала об этом только утром воскресенья. Она несколько раз в течение дня перезванивала Женьке, но тот не брал трубку. А потом пришла Алиска, и они зависли в разговорах и капучино до самого вечера.

Утро понедельника у Киры не задалось. Во-первых, она проспала. Во-вторых, почему-то именно этим утром отключили горячую воду в доме.

«Не помыться, ни...», – ярилась Кира, бегая между кухней и ванной с чайником.

В завершение неприятностей около работы Кира поскользнулась и шлёпнулась на колени прямо перед спешащим мимо мужчиной из соседнего здания. Тот ринулся было на помощь, но налетев на взгляд Киры, отшатнулся. Кира вскочила и, не чувствуя боли, ругаясь нецензурно, рванула по ступенькам к дверям здания. Только доковыляв до дверей офиса, она поняла, что колготки придётся покупать новые, а колени замазывать йодом, ну или перекисью.

Кира не успела раздеться и пройти в кабинет, как за спиной услышала лёгкий стук в дверь.

– Можно?

Кира чуть не потеряла сознание. Она обернулась и провалилась в янтарные глаза Романа, который заметив расхлёстанное о лёд колено, перестал улыбаться и ойкнул. Кира спряталась за письменный стол и пробормотала:

– Да, ничего страшного. Упала просто, скользко.

– Да? – улыбнулся Роман. – Я за договором.

– За договором? – Кира совсем забыла, что просила Романа зайти в понедельник.

Она запнулась на мгновение и выпалила:

– Сегодня вечером приглашаю на ужин. Если, конечно, сможешь, а?

Краска стыда покрыла Киру от кончиков волос до кончиков пальцев. «Начала за здоровье, а потом... мямля», – услышала Кира голос Алисы.

Они вчера репетировали приглашение Романа на ужин, и вот провал, полный провал.

Кира зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела смеющегося Романа.

– Хорошо, Кира. Ждите в семь, – отчеканил он.

Кира едва дождалась окончания рабочего дня. Домой летела, забыв про ушибленное колено, и не поскользнулась ни разу.

Дома мама и дочь завершали приготовления к ужину. Она им весь день звонила и давала ценные указания: что купить, где найти рецепт, на какой сковороде жарить, при какой температуре в духовке тушить. Выпросила у мамы её фирменные пироги, а дочери велела начистить и сварить овощи для салата.

Дочь ёрничала:

– Ты, мам, ещё прикажи весам килограммы большие не показывать, кошке не царапаться, а полы пусть сами вымоются и больше не пылятся. Загоняла нас с бабулей до полусмерти.

Кира не сердилась на её выпады. Только просила:

– Не ругайся. Влюбилась мать, что поделаешь, может,

в последний раз?

– Ага, кто бы говорил, – парировала дочь таким тоном, что Кира отчётливо представляла, как та закатывает глаза и дирижирует ладонью с длинными пальчиками с сиреневыми ноготками.

Алиске досталось не меньше. Кира истязала подругу вопросами: что говорить, в чём встретить, чем угощать, прилично себя вести или можно пошалить. Алиса выслушивала и практически на все вопросы отвечала односложно:

– Дура, ты, Кира. Делай, как считаешь нужным. И не слушай, что говорит, слушай, как говорит, и смотри, что делает. И мозг мужчине вилкой по кусочкам не выедай. Либо вынеси весь сразу и бери тёпленьким, либо сделай так, чтобы в голове его были мысли только о тебе, а для этого научись слышать и вопросы задавай правильные.

– Это какие? – уточняла ошарашенная Кира.

– Не зли меня, – шипела Алиса в трубку.

Кира после её шипения тут же вспоминала, что ненужно ничего определённого и точного – «может быть», «если пожелаешь», «возможно» – это в вопросах главное. Свободолюбивые «мерзавцы» никому ничего не должны, их просто нужно убедить, что это они решили приехать, позвонить, написать, отчитаться о планах и прочее.

Мама с дочкой ушли к подругам около семи вечера.

Часы показывали двадцать пять минут восьмого. Роман

не звонил и не приехал. Кира нервничала, скакала по окнам, высматривая его машину, раз пять вынесла мусор, пару раз долетела до магазина и постоянно названивала Алиске, повторяя одно и то же: «Как думаешь, приедет?»

Алиса сначала увещевала Киру по-доброму, потом зафыркала и обозвала «с ума сшедшей», а затем и вовсе перестала отвечать на звонки. Кира посмотрела на часы, скинула туфли и, плюхнувшись на табуретку, заревела. В этот момент зазвонил телефон. Экран выкрикивал имя «Роман», и Кира включила громкую связь, потому что удержать телефон в руках не смогла.

– Кира, я еду, задержался по делам. Что-нибудь купить?

– Да... – протянула Кира, лихорадочно соображая, что бы такое попросить, чтобы успеть до его приезда, привести себя в порядок. – Если можно, что-то сладкое к чаю, на твой вкус.

Роман отключился. Кира помчалась в ванную, и тут телефон снова ожил. Это был Женька. Кира нехотя нажала на зелёную трубку и на громкую связь.

– Говори, Женька, я умываюсь, – прокричала она под шум воды.

– Кира, я к тебе еду, – прошелестел Женька. – Скоро буду, нужно поговорить.

Кире показалось, что она обожглась о холодную воду.

– Нет, – закричала она, но было поздно, Женька отключился.

Кира попробовала перезвонить, но тщетно. Она опусти-

лась на коврик в ванной. «За что мне такое наказание? Как разрулить теперь? И Алиска трубку не берёт? Господи, что делать?» – Кира задавала себе вопросы и не знала ответов. В голове была каша.

«Интересно, кто придёт первым?» – пронеслась непутёвая мысль.

– О чём я думаю? – это Кира произнесла вслух, и решение пришло само собой.

Она вспомнила чью-то мудрую фразу: «В любой непонятной ситуации – беги!» Кира мгновенно оделась, выключила свет и выскочила на улицу.

Во дворе было тихо и тепло. Шёл снег. Февраль плавно переходил в март. «Всё меняется за год, за день, за одну секунду», – подумала Кира и пошагала к Алисе, не оглядываясь.

Она представляла, что где-то в другой реальности другая Кира успела крикнуть Женьке «нет» и попросила больше никогда не приезжать и не звонить ей, а потом ужинала с Романом и говорила о пустяках. Та, другая Кира, влюблённая и счастливая повернула время вспять. Роман увидел в ней молодую стройную женщину, которая заморозила его теплом и вниманием. На восьмое марта он каждый год дарит ей огромную охапку ромашек, обожает её кошку и любит мамины пироги.

Наверно, была ещё одна реальность, где Кира никуда

не ушла. Сначала приехал Женька с букетом цветов и предложил ей быть «его любимым пончиком» всю оставшуюся жизнь. Потом приехал Роман с тортом. Познакомился с Женькой. И они подрались из-за той, другой Киры.

Сколько тех реальностей, где всё могло быть иначе, сделай всего один шаг – другой шаг.

Алиса открыла дверь и уставилась заворожённо на Киру.

Кира, усыпанная снегом, с блестящими от внутреннего пожара глазами, была похожа на снегурочку, которая прыгнула в костёр, но не растаяла, а наоборот приглушила пламя, заморозила чувства.

– Милушка моя, – запричитала Алиса, затаскивая Киру в прихожую.

– Ты похожа на сбежавшую из дурдома снегурку, – съязвила она.

– Скорее на «с ума сшедшую» снежную бабу, – с истеричным смешком пробормотала Кира.

Телефон в сумочке зажужжал и затих.

– Посмотри, что там, – попросила Кира Алису, растирая слёзы и снег по лицу.

Смска от Романа вещала, что он заехал в магазин, купил торт, но ему позвонили с какой-то халтуры и вызвали охранять вместо кого-то какой-то бар.

– Он пишет, что до утра будет занят, желает «сладких снов» и целует, – интерпретировала, написанное Романом,

Алиса.

Кира закрыла лицо руками и заплакала навзрыд.

– Алиса, – выла она. – Всё же хорошо, а я-то напридумала себе. Ой, дура, ой «с ума сшедшая».

Когда Кира рассказала Алисе, что случилось, та взвизгнула: – И долго ты будешь всем нервы мотать? Давно пора с Женькой разобраться. И хорошо, что сегодня Роман не может приехать. Чеши домой и решай с мужиком. Алиска распахнула дверь и вытолкнула, ошарашенную гостеприимством, Киру на лестничную площадку. Дверь за Кирой захлопнулась. В Алискиной квартире «замамкал» лис и недобро завыл Бумер – чёрный мудрый кот. Кира вздрогнула от его завываний и схватилась за карман шубы, в которой танцевал телефон. Звонил Женька. Кира ругнулась, нажала на кнопку и буркнула: – Чего звонишь, в магазине я, сейчас приду.

– Не торопись, – прорычал Женька. – Я все светофоры словил, скоро буду. Кира громко вздохнула, выругалась ещё раз, чем несказанно удивила местных пьяниц, ввалившихся с бутылкой водки в подъезд. Те, даже после трёх бутылок, таких слов не знали, а тут частит расфуфыренная, правда, зарёванная дама, но ведь дама же. Кира в раздражении посторонилась и сделала издевательский реверанс, шубой насухо вытерев пол у входной двери. Чертыхнулась и шагнула в свет уличных белёсых фонарей, ослепивших её. Пока брела

до дома пару раз загребала рукой свежий снег и лизала, как в детстве, ладошку. Обида на Алису и на нерешённые проблемы с Женькой жгла изнутри так, что Кире казалось, мигнула, и вспыхнет, как свечка и сгорит нафиг, так и не добравшись до мужика. К своему дому Кира подошла одновременно с подъехавшим Женькой. Он с букетом цветов и тортом вывалился из машины и растопырил руки, чтобы обнять Киру. От него пахло снегом, одеколоном и конфетами. Объятия Женьки были холодными, как уходившая зима. Кира проверила ощущения мотыльками. Мотыльки дрыхли и велели не будить, даже если всё зайдёт слишком далеко. А некоторые, особенно идейные, рванули к горлу и заставили поперхнуться, чтобы высвободить хозяйку из лап «неРомана». Пока поднимались в квартиру, Женька беспрестанно шлёпал губами, издавая звуки и даже выдавливая слова. Из бормотания Кира поняла, что он психанул, потом решил поговорить и купил конфеты, потом снова психанул и съел их прямо в машине. Когда опомнился и «простил» Кирины выкрутасы, купил торт, потому что его в машине есть неудобно. Кира открыла дверь в квартиру, повернулась к Женьке, взяла в одну руку цветы в другую торт, вытянула в трубочку губы и чмокнула его в нос. – Женья, иди домой, – произнесла она таким тоном, что Женькино лицо вытянулось сначала вертикально вниз от открытого рта, а потом вертикально вверх. Брови взметнулись так, что если бы не волосы, то оказались бы на затылке. – Что? – простонал Женька. – Ничего, – в тон

ему простонала Кира, отодвинула его от дверей, точно коврик, который мешал двери закрыться, и захлопнула её. «Ты опять, – услышала Кира в ушах голос Алисы. – Ты опять? Опять сбегаешь?» Кира выдохнула и сказала в воздух: «Да, опять!» Она стянула сапоги, приземлила цветы на этажерку в прихожей и прошла с тортом в кухню. Опомнилась, когда от торта остался маленький кусочек, а в шубе было жарко так, что хоть святых выноси. Из глаз брызнули слёзы. Столько держаться и сожрать торт в одно лицо. Часы на стене подмигивали новым днём. Весы злорадно пялились из-под кровати, намекая на лишние тортовые килограммы. Кира, скинув шубу, бухнулась на диван и заревела. А в телефоне одна за другой звякнули три смски. «Как дела, дурында?» – вопила Алиса. «Что это было?» – скрежетал Женька.

«Кира, если ты не спишь, то я освободился и могу приехать», – ворковал Роман. «Я сплю», – ответила смэской Кира и покраснела. «Я так и понял!» – пикнул ответ. «Ужин с меня...» – прожужжал телефон ещё раз. Но Кира нырнула в сон, а её мотыльки выдавленные тортом из живота пытались хоть как-то уgomониться около сердца, вздрагивая крыльшками в такт её дыханию.

Кире снились коридоры и двери. Коридоры переходили в новые коридоры, бесконечные, запутанные и пустые. Двери в них были открыты, но когда Кира приближалась к ним, они со скрипом закрывались, и сколько она ни старалась, открыть их не могла. В панике перебегая от одной двери к дру-

гой, Кира всё дальше и дальше уходила вглубь коридорных лабиринтов. Ей хотелось выбраться из них, но она не понимала, куда идти. Рядом с одной из дверей появился мужской силуэт в чёрном. Кира прошептала: «Роман?» Силуэт отделился от дверей и начал удаляться, а потом совсем исчез. А вместо него раздался неприятный, громкий, режущий звук. Он приближался, давил на уши, а скоро к нему прибавился и звук ударов, монотонный, но настойчивый. Кира испугалась, развернулась, чтобы бежать и проснулась. Режущий звук оказался дверным звонком, на который давили непрерывно, кроме того стучали в дверь. Кира резко вскочила, не понимая сон это или явь, качнулась к столу и задела салатницу. Та с грохотом упала на пол, изрыгнув салат. К салату, прямо под ноги Кире кинулась кошка Муся, поскользнулась на разлившейся жиже и всеми лапами и наглой мордой влетела в расползшийся салат. Хвост оказался под ногой Кире, и она, естественно, на него наступила. К воплю дверного звонка присоединились душераздирающий «мяяяяя!!!» Муси и вскрик Кире от вонзившихся в ногу Мусиных когтей. От какофонии звуков Кире стало дурно. Она шагнула к двери и услышала голос Романа: «Кира, Кира, откройте, что случилось? Кира!» Сон испарился, словно не бывало. Кира рванулась к зеркалу у дверей и в ужасе замерла. В зеркале отражалось женоподобное существо с чёрными всклокоченными волосами, узенькими щёлочками опухших от слёз глаз и красный оплывший нос, почему-то в коричневую крапин-

ку.

– Минуточку, Роман, – тоненьким голоском взвизгнула Кира. – Я сейчас. Она ринулась в ванную, включила холодную воду и нырнула под струю головой. Вода обожгла, но привела в чувство, смыла крапинки шоколада с носа Кире и немного убрала одутловатость с лица. Кира выскочила из платья, накинула махровый халат, замотала голову полотенцем и открыла входную дверь. Роман с испуганно-удивлённым лицом застыл на пороге квартиры, всматриваясь в женщину в прихожей.

– Здравствуйте, – пролепетал он. – Простите за ранний визит. Киру можно пригласить? Её нет на работе, меня послали за ней, я водитель... Кира? Роман остановил монолог и уставился на Киру, спелой вишней покрасневшую от ужаса, что её не узнали. – Заходи, – буркнула она растерявшемуся Роману. Роман ступешевался, шагнул в квартиру, но дальше двери прихожей не двинулся. Он всматривался в растерянное и залитое краской лицо Кире, и в его глазах проносилась буря эмоций от непонимания до искорок смеха. Кира стояла напротив него, губы её дрожали, а глаза наполнились слезой. Она представила себя – красавицу со стороны и не знала, как теперь реабилитироваться перед Романом. Кошка Муся вышла в прихожую, посмотрела на хозяйку, зашипела и прижалась к ногам Романа. Кира и Роман сначала посмотрели на Мусю, явно выбравшую симпатичного мужчину, потом друг на друга. Установившуюся неловкую тишину, разорвал

громкий мужской смех и нежное подхихикивание женщины. Пока Кира приводила себя в порядок, Роман убрал салат с пола, поставил всё, что можно было спасти от вчерашнего ужина в холодильник, остальное скинул в мусорное ведро и вымыл посуду. Когда Кира посвежевшая, с укладкой и макияжем выпорхнула из ванной, на столе её ждали бутерброды и кофе. Она взглянула на часы над столом и обмерла. Только сейчас она поняла, что впервые опоздала на работу на целых три часа. Бутерброды на столе весело подмигивали кружочками колбасы, кофе щекотал ароматом ноздри, а весы под диваном, поблёскивая чёрными нулями, требовали не жрать, хотя бы сегодня. Потому как торт, съеденный Киной в одно лицо, ещё не завершил свой путь в Кирином организме и отложил парочку килограммов на её не совсем постройневших бёдрах.

– Ой, как здорово, что ты позаботился обо мне, – защебетала Кира, – но завтракать совершенно некогда. Может, поедем? Роман двинулся от стола к дверям и в это время телефон Киры на столе запрыгал, выстреливая имя Женька, а дверной звонок снова зарезвился. Кира побледнела, схватила телефон, заметив удивлённое лицо Романа, и ринулась к двери, молясь, чтобы это был не Женька.

За дверью оказалась соседка из квартиры напротив. Она спросила Кирину маму, с удивлением и любопытством вглядываясь в мужчину за спиной Киры. Кира буркнула, что мамы нет, и поскорее захлопнула дверь, так и не ответив на те-

лефонный звонок. Женька больше не перезвонил, и Кира с Романом помчались на работу. А дальше случилось то, чего Кира никак не могла ожидать. Роман довёз Киру до офиса и не глуша машину и скомандовал: – Ты иди, я потом поднимусь. – В смысле? – протянула Кира и уставилась на Романа. – В прямом, – ответил Роман. – Нас не должны видеть вместе. Подумают что-нибудь, начнут говорить... Кира не могла поверить своим ушам. Роман, который ей казался уверенным и бесстрашным, испугался сплетен. – Разве это плохо, что мы вместе? Кому какое дело до нас? Ты меня стесняешься? Что я старше? Кира сыпала вопросами, от которых холодела её душа, и наворачивались слёзы. Это был первый нерадостный звоночек. Нет не так, это зазвонил первый колокол непонимания в их отношениях, но Кира задавая вопросы, тут же оправдывала Романа: «И действительно, чего это я? Ну стесняется мужчина, возможно, у него никогда не было таких вот открытых отношений, или он так воспитан, а может просто комплексы из детства...» Причинам, которые она придумывала, не было конца. Да и мотыльки внизу живота не давали здраво поразмыслить над таким странным поведением. Алиска бы сейчас взгрела её: «Ты слышишь, что он лепечет? Телёнок-недокормыш! Стесняется он? Так пусть идёт лесом по полю да вкруговую. Я же говорила – «дурак». Не сиди, тресни его по башке, сними с нейтралки и врубай заднюю, расхлещи этого стыдливого самца вместе с его машиной... Кира отмахнулась от злой мысли Алисы, перевела

дыхание и открыла дверцу. Роман потянулся к Кире, осторожно коснулся её щеки и прошептал: – Не обижайся на меня, но так будет лучше. Кира хмыкнула, вышагнула из машины и пошла в сторону офиса, не оглядываясь. Сказать, что она обиделась – мало. Она гневалась. Мотыльки притихли, а потом начали превращаться в жирных противных гусениц. Те закопошились в предвкушении страха, сомнений и недоверия, желая полакомиться остатками хорошего настроения, которое таяло на глазах. Никого не замечая и ни с кем не здороваясь, Кира влетела в кабинет, хлопнув дверью так, что выскочили девушки из соседнего офиса «Гибкое тело». Телефон в кармане визжал, отпрыгавшись Романом. Кира ответила: – Алё... Роман помолчал секунду и произнёс: – Ты обиделась? Не обижайся. Понимаешь... – Мне некогда, дел много, извини, – прервала Романа Кира и повесила трубку. Ей нестерпимо захотелось выйти из себя, но она ещё раз вздохнула и пошла в офис «Гибкого тела». Девушки в «Гибком теле» встретили Киру с улыбкой. Она прошипела: – Я видела у Вас какой-то садистский тренажёр с цепями. – Да, это для растяжки, «Правило», – с ударением на втором слоге прошептала девушка. – Во-во, растяните меня по полной программе, иначе сейчас зареву. Кира всхлипнула и плюхнулась в кресло у входа. – Хорошо, Вы снимайте шубу. Сейчас всё сделаем.

Пока девушки готовили тренажёр, который представлял собой большой прямоугольник, грубо сколоченный из дере-

вянных брусков и железных цепей с кожаными наручниками, Кира вспоминала, как впервые увидела это «средневековое орудие пыток». В тот день, «Гибкое тело» заселялось в соседний офис. Кира несколько раз спотыкалась о всевозможные снаряды и тренажёры, расставленные по всему коридору их этажа. Когда она увидела «это», то испугалась собственных мыслей. Где-то, там где у людей находится подложная область, начало слегка потягивать, а проще говоря – засосало. Кира любила фильмы про средневековье и знала, как выглядят приспособления для пыток, но это был перебор. Она подошла, потрогала, подёргала, попримерялась. Мысли стали куда глубже, может это и не пыточная совсем, а даже наоборот. Спрашивать, что это такое не у кого. Хозяева куда-то отошли. Она решила сфотографировать и спросить у знающих людей. И тут на старом тяжёлом сейфе увидела надпись со стрелочкой «Гибкое тело» и приписка – «Делаем стройными за две недели». Кире как-то сразу полегчало, но ненадолго. Как нужно изловчиться на этой бандуре, чтобы стройной стать? «Хотя, подойди к такой махине первый раз, килограмма два-три скинешь обязательно, просто от страха», – промелькнуло тогда в голове у Киры. И вот сейчас эту «пыточную махину» готовили для неё. Девочки протянули трико и футболку Кире – сервис. Она переделалась, и её привязали, вернее, распяли в нескольких сантиметрах над полом, прицепив цепями с кожаными наручниками руки и ноги по принципу звезды. Кира висела в воздухе, точ-

но в космическом пространстве, но лёгкости и расслабления не чувствовала. – Девоньки, а если эта махина рухнет? Я же тяжёлая, – причитала она. Девчонки улыбались и рассказывали, что правится в её организме от этого «чуда». Кира слушала. Причитания сменились заинтересованностью, а потом гнев куда-то испарился, и она захохотала. – Ой, девоньки, на работу опоздала, с милым поругалась, лежу здесь звездой морской и ною. А как подумаю, как это со стороны смотрится, не могу, смех распирает. Только бы начальник не пришёл за документами. Кира хохотала в голос. В это время открылась дверь. – Кира? – прозвучал знакомый голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.